

Проверено 1924 г.

★ Киргизская Социалистическая Советская Республика. ★

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33С5(С55)(05)

+33С5(17)(05)

2440.

Проверено 1924 г.

СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОВЕТСКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

ОРГАН

№ 5-6 (8-9)

НЦИК и

К. С. Н. Н.

№ 5-6 (8-9)

МАЙ — ИЮНЬ.

ГОД ИЗДАНИЯ — ВТОРОЙ.

Оренбург ♦♦♦♦♦ 1924.

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО.**ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КИРГИЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

В. Ц. И. К. 17 апреля принял постановление о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству киргизского населения. Постановление является крупной мерой, как для разрешения правильного и устойчивого порядка землепользования в КССР, так и для удовлетворения нужды в необходимых земельных угодьях киргизского населения, порвавшего связь с кочевым образом жизни и заменившего его оседлым. Можно без преувеличения сказать, что оно открывает новую эру в истории развития киргизского хозяйства и связанных с ним форм деятельности.

До сего времени вопрос о землеустройстве киргизского населения находился в крайне неопределенном положении. В периодической прессе чрезвычайно много говорилось в пользу и против землеустройства, но каких-либо определенных, законченных результатов эти разговоры не дали.

Сторонниками и противниками землеустройства последнее рассматривалось лишь со стороны наделения киргизского населения землей в добровольном или принудительном порядке, по нормам, рассчитанным для оседлых земледельческих хозяйств. Сторонники землеустройства исходили в доказательствах из общей предпосылки, что киргизские хозяйства в своей последовательной эволюции чрезвычайно близко подошли к земледельческому оседлому строю и переросли скотоводческо-кочевой характер хозяйственной деятельности, и требуется лишь энергичный толчок, дабы отжившие формы распались, уступив новым. Противники—с своей стороны утверждали, что хозяйственная деятельность киргизского населения чужда и далека от приписываемой ей эволюции, и скотоводческое хозяйство в массе является настолько устойчивым, что не может быть и речи о его землеустройстве по нормам для земледельческих хозяйств.

Эти две точки зрения не решали действительного положения вещей. Киргизские хозяйства в различных естественно-исторических районах различно дифференцировали от чистого скотоводческо-кочевого строя, и в некоторых случаях связь с ними была крайне минимальная, но в то же время сохранились и хозяйства с выраженным скотоводческим складом. Поэтому, землеустройство касающееся, хотя

бы, населения, переходящего на оседлость, оставляло за бортом население попрежнему занятое скотоводством, кроме того, оно вносило в него хозяйственную неустойчивость, изменяло его обычные условия пользования земельными угодьями, интересы собственно скотоводческого хозяйства являлись при разделе земли в меньшей мере обеспеченными, так как землеустройство ни в какой мере его не касалось.

Не останавливаясь на отдельных проектах землеустройства на оседлое положение населения целых волостей, в принудительном порядке, как меры несомненно насильственной для своего времени и чреватой тяжелыми последствиями для большинства хозяйств, меры предлагаемые в свою очередь противниками землеустройства также не обеспечивали устойчивого землепользования и нормального использования угодий хозяйствами в той мере, в какой каждое было заинтересовано, и они не давали выхода стремлениям населения к оседлой жизни и связанным с ней формам хозяйственной деятельности. При этом целые группы хозяйств как бы вынуждены были вести такую хозяйственную деятельность, с которой у них почти потерялась связь.

В этом отношении утвержденное В. Ц. И. К. положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения решительно отмечает в сторону все односторонние подходы к нему и охватывает собой все группы населения, с различной хозяйственной деятельностью.

Прежде всего одним из первых пунктов положения (6—м.), впредь „до окончательного выяснения в порядке землеустройства размеров земельных нужд землеустраиваемого населения недопускается использование свободных (запасных и неиспользованных) земель на всей территории Киргизской Республики для надобностей земледельческой колонизации“. Эта мера ограждает вполне интересы коренного населения, дает возможность точнее определить земельные ресурсы для обеспечения ими заинтересованного киргизского населения, предупреждает и заранее устраняет могущие возникнуть конфликты на почве предпочтения, в отдельных случаях, интересов пришлого населения в ущерб коренному, туземному. Таким образом в основу землеустройства ставится не просто возможное и максимальное использование земельных угодий, а прежде всего интересы того населения, которое исторически связано со всей земельной территорией и лишь вследствие особенностей своего развития задержалось на определенной ступени хозяйственной деятельности, кладутся бытовые, естественные, экономические условия жизнедеятельности, а равно предоставление населению таких условий землепользования, при которых в дальнейшем возможно будет всестороннее развитие его хозяйственной деятельности и, тем самым, достижение основной и главной цели.

Колонизаторская деятельность в прошлом не знала такого бережливого отношения к нуждам киргизского населения и оно предоставленное самому себе несомненно потерпело бы жестокое поражение, бессильное оказать противодействие той ломке жизни, какую создавала эта деятельность, еслиб у него не оказалось развитых предпосылок к новым формам хозяйственной деятельности, гибкости в приспособлении к меняющимся условиям. Утвержденным положением дается наиболее законченный характер землеустройства туземного населения, в смысле обеспечения его всеми необходимыми земельными угодьями в первую очередь и придания его интересам превалирующего значения. Колонизационная деятельность в прошлом, наоборот, ставила во главу угла интересы пришлого населения в ущерб интересам коренного, местного населения.

Положением (п. 1-й) землеустройству придан характер сплошной и обязательный, оно будет производиться по почину землеустроительных учреждений и распространяться на все районы КССР, за исключением тех оседло-земледельческих районов, в которых в настоящее время не имеется летних и других неразверстаных сезонных пастбищ кочевников, полукочевников и прилегающих к этим пастбищам кочевых путей.

Только при такой постановке землеустройства, представиться возможным разрешить правильно проблему трудового землепользования. Современное фактическое землепользование сложилось в результате борьбы отдельных хозяйственных групп друг с другом за обладание лучшими земельными угодьями и более обширной земельной территорией, колонизационного движения и, наконец, глубокой дифференциации киргизского хозяйства. В основе своей оно стало крайне неодинаковым, спорным и чуждым трудовому началу. Внутри каждой общины, вследствие захвата богатыми скотоводческими хозяйствами лучших сенокосов, пастбищ и пахатных угодий, создались неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности беднейшего и экономически ослабленного населения. Нормирование землепользования в некоторых отдельных случаях стало производиться по величине податного обложения, падающего на хозяйства. Наиболее беднейшие хозяйства, дабы выйти из сложившихся неблагоприятных условий для хозяйственной деятельности, часто порывали связь со своей родовой общиной и присоединялись или к другим общинам или уходили на аренду.

Все это создавало неравенство и сумбур в землепользовании и о каком либо устойчивом порядке трудового землепользования не могло быть и речи, наоборот была создана почва для всевозможных злоупотреблений землей. Яркие примеры в этом отношении собраны были экспедиционными обследованиями киргизских хозяйств. Среди экономически ослабленного населения выявились стремления к переходу на оседлость и занятию земледелием, но при наличии засилья

в землепользовании богатых скотоводческих хозяйств, стремившихся использовать бедноту в своей хозяйственной деятельности, в своих интересах, бедняки, естественно не могли в полной мере быть свободными и независимыми, их ограничивали земельными угодьями, сенокосами, пастбищами, и стремлениям их к новым формам хозяйственной деятельности, тем самым, ставились препятствия. Статистико-экономические обследования киргизских хозяйств установили, что 70% всех хозяйств являются беднейшими и экономически слабыми в скотоводческом отношении, вынужденными для сведения своего бюджета в частности заниматься промыслами и батрачеством. Но к этому они вынуждены были прибегать так-же и из-за отсутствия земельных угодий для развития земледелия.

Становится ясным, что еслиб землеустройству не придано было сплошного характера, оно едва ли-бы смогло урегулировать землепользование во всем его разнообразии и свести его к формам трудового землепользования, не могло бы выяснить во всем объеме земельный фонд и нужду в земле со стороны отдельных групп хозяйств, устранить в будущем целый ряд недоразумений, существующих в данное время на почве неодинакового землепользования. По этим же обстоятельствам землеустройству придан и обязательный характер.

Исключение из этого общего правила, как было уже сказано выше, составляют оседло-земледельческие районы, в которых летние и другие сезонные пастбища кочевников и полукочевников были в предыдущие годы при посредстве землеустройства уже разверстаны, и земельный фонд которых был учтен, выяснены излишки и недостатки землепользования. Сплошная съемка с. х. угодий целых волостей была, например, произведена в Павлодарском уезде бывшим переселенческим управлением, а в связи с ней было произведено разверстание угодий между киргизскими кочевыми хозяйствами, с выделением излишков под колонизационный фонд.

Но и оседло-земледельческие районы не являются абсолютно забронированными от распространения на них сплошного и обязательного землеустройства. В тех случаях, когда в них имеются свободные земли (запасные и неиспользованные), в ходе же работ землеустраиваемых районов будет обнаружен недостаток земель для населения, то по соглашению Кирчика с Федеральным Комитетом по земельному делу предоставляется право производить изъятия этих земель для отвода страховых площадей, пахотных и сенокосных угодий, предназначенных для создания запасов готового фуража на случай бескормицы у кочевников и полукочевников и для образования отдельных участков, пригодных для ведения оседло-земледельческого хозяйства землеустраиваемым населением, а так-же запасных участков для той же надобности в будущем.

Значение сплошного и обязательного землеустройства, таким образом, заключается в установлении форм трудового землепользо-

вания для всех видов хозяйств, в зависимости от их развития, и в устранении всех условий, искажающих правильное проведение в жизнь трудового принципа.

Сплошное и обязательное землеустройство обнимает собой, в порядке плановой очередности, всю совокупность действий, направленных к разрешению земельного вопроса (п. 2-ой положения и ст. 166 Земельного кодекса), за исключением: а) „раздела земель, состоящих в пользовании земельных обществ; выдела земель отдельным хозяйствам (дворам) и их группам; разверстания всех или некоторых угодий земельного общества на хуторские либо отрубные участки; раздела земель обособленных трудовых земледельческих хозяйств (дворов)“, и б) „распланирования сельских мест населения“ ранее образованных участков. Во вновь же образуемых земельных обществах распланирование мест поселения также входит в состав сплошного и обязательного землеустройства (примечание к пункту 2-му Положения).

Центр тяжести всего землеустройства будет заключаться в конечных итогах: 1) в разверстании пастбищ общего пользования между оседлым населением с одной стороны и кочевниками и полукочевниками, с другой, 2) в отводе отдельным объединениям кочевников и полукочевников обособленных призимовочных территорий с с необходимыми угодьями постоянного пользования, а так же площадей сезонных пастбищ общего пользования и прилегающих к ним кочевых путей, 3) в образовании отдельных участков для ведения оседло-земледельческого хозяйства, а также запасных участков для той же надобности в будущем, и 4) в образовании страховых площадей пахотных и сенокосных угодий для кочевников и полукочевников, на случай безкормицы и неурожая трав на отведенных им в постоянное пользование площадях, а также для создания запасов готового фуража. Они будут главными моментами сплошного землеустройства, но оно ими не ограничивается.

Ст. 166 Земельного Кодекса, на которую ссылается, пункт 2-ой утвержденного положения при определении объема землеустроительных действий, в частности, предусматривает отвод земель для государственных и общественных надобностей, создание земельных фондов специального назначения и других. Кроме того пункт 10-ый положения особому учету подвергает неприписное (к земельным обществам) пришлое оседло-земледельческое население для удовлетворения его земельными угодьями. Указанные обстоятельства расширяют землеустройство и оно, таким образом, не ограничивается узкими рамками только киргизского населения, но включает попутно наделение земель учреждений и не киргизского населения, но от этого ни на одну иоту не перемещается в другую сторону центр тяжести землеустройства. Поскольку нужда в земельных угодьях существует у различных учреждений и организаций и хотя бы у

пришлого населения, но не получившего ранее по каким либо обстоятельствам своего устройства, а на основании ст. 4-ой Земельного Кодекса все они имеют несомненное право на получение тех или иных земельных угодий для использования их в своих хозяйствах, постольку положение предусматрительно связывает наделение земель по трудовым нормам их всех со сплошным и обязательным землеустройством киргизского населения. Лишь только в этом виде землеустройство будет носить законченный характер, т. е. когда будет учтена и принята во внимание нужда в земле всего населения и всех учреждений и организаций.

Положением, между прочим, предусмотрено образование страховых площадей. Это обстоятельство показывает, что землеустройство не будет ограничиваться только отводом земельных угодий кочевникам и полукочевникам по установленным нормам, т. е. формальным межеванием, но будет простирается его значительно дальше. Учитывая зависимость благосостояния скотоводческого хозяйства от периодически повторяющихся неурожаяв трав, гололедицы, возможной безкормицы в эти периоды, признано необходимым создание запасных сено-фуражных баз для снабжения через них голодающего скота.

Кирнаркомземом после джутов 1920—1921 годов было признано необходимым организовать сено-фуражные базы в скотоводческих районах, при чем предполагалось, что эти базы так-же послужат одним из стимулов к переходу на оседлость кочевого населения, но к сожалению реальных, вещественных результатов такое решение не принесло. Места, перегруженные работой, не могли произвести необходимых обследований районов, в которых по условиям кочевого хозяйства необходимо было создать сено-фуражные базы. В настоящее же время организация таких баз, через выделение их в страховые участки, даст большие положительные результаты, так-как связывается со сплошным землеустройством, с подробным обследованием естественно-исторических районов, условий и времени кочевых хозяйств, степени использования призимовочных территорий и сезонных пастбищ скотом.

По линии скотоводческого хозяйства землеустройство, по утвержденному о нем положению, становится определенно на сторону возможно большего обеспечения его главнейшими угодьями и охраны его от возможных потрясений в годы неурожая трав, гололедицы.

Помимо сплошного и обязательного землеустройства положением (пункт 5-ый и примечание к п. 50-му) предусматривается так-же и текущее землеустройство по мере перехода населения от одних форм хозяйственной деятельности к другим, производимое землеустроительными органами по инициативе самого населения вне установленного плана и очереди.

Допущение текущего землеустройства обуславливается необходимостью оказания скорейшего содействия стремлениям киргизского

населения к переходу на оседлость, которое по некоторым районам носит массовый характер. Скорейшее разрешение нужды в определенных земельных угодьях переходящего на оседлость киргизского населения является залогом создания у него устойчивых форм хозяйственной деятельности и экономического благополучия. Таковое землеустройство не может стоять в противоречии со сплошным, поскольку в основании того и другого положен один и тот же подход, именно: устраиваемому населению отводятся, прежде всего земли его фактического пользования по соответствующим нормам, так-как этим не создаются и не сохраняются вредные недостатки землепользования, как-то: черезполосность отдельных землепользований, дальнотемелье, неправильности очертаний границ и другие. Кроме того такой подход не вызовет со стороны других хозяйств, смежных с устраиваемыми, каких либо недоразумений и споров в отношении земельной территории, подлежащей отводу, и вообще при текущем землеустройстве всякий отвод земли неизбежно будет корректироваться в каждом отдельном случае требованиями землеустройства всего остального населения и обеспечения его всеми необходимыми земельными угодьями. При такой постановке вопроса, в том случае, когда земли фактического пользования устраиваемого населения не дают возможности правильно разрешить самое землеустройство, отсутствуют те или другие угодья, или они имеются в недостаточном размере, вследствие чего создается необходимость использования для этой цели с.х. угодий, принадлежащих смежным с устраиваемыми хозяйствам, требуется хозяйственное обследование всех смежных хозяйств, всех условий их землепользования, то характер землеустройства становится уже сплошным, или в пределах всего естественно-исторического района, в пределах целого ряда волостей, или, по меньшей мере, в пределах волости или всей общины (См. ст. 171 Земельного Кодекса).

Такой постановкой работ, логически вытекающей из землеустройства всех трудовых хозяйств и строго согласованной с действующим Земельным Кодексом, утвержденное ВЦИК положение предусмотрительно охраняет интересы каждой группы хозяйств, устраиваемой, как в порядке сплошного землеустройства, так и текущего.

Итак, указанные два вида землеустройства сплошной и текущий являются тесно связанными друг с другом общим направлением, методами и приемами подхода к разрешению трудового землепользования, при чем сплошное землеустройство производится по инициативе органов землеустройства, текущее—по инициативе населения.

Вследствии незначительной плотности населения Киргизской Республики, положением (пункт 7-ой) предполагается наличие свободных земель, которые поступают после окончания землеустройства в состав Государственных земельных имуществ.

Землеустройство по утвержденному положению складывается из следующих отдельных моментов:

1. Учета населения, обследования его хозяйственного обеспечения и районирования территории.
2. Вывода норм землепользования.
3. Составления проектов землеустройства.
4. Исполнения проектов землеустройства в натуре.
5. Участие кочевого и полукочевого населения через своих представителей при всех землеустроительных действиях.

Совокупность всех перечисленных действий предполагает до некоторой степени длительный характер землеустройства, если бы даже удалось обеспечить работы необходимым подготовленным техническим персоналом и денежными средствами. Обращаясь к первой стадии землеустроительных работ—учету населения и районированию Республики—следует отметить, что положение намечает лишь программу учета и обследования, но не указывает, кто должен их выполнить. Принимая во внимание обширность программы, статистико-экономическое значение отдельных ее моментов, то обстоятельство, что учет и обследование так же будет носить сплошной характер, т. е. обнимать собою целые естественно-исторические районы, потребуется сводка их в общереспубликанском масштабе, потребуется также строго согласованная система, как для самого определения районов, так и для установления хозяйственных типов, кроме того при изучении дифференциации киргизского хозяйства и установления типичных хозяйств для отдельных районов будут необходимы не только результаты последнего обследования, но их связь со всеми предыдущими статистико-экономическими обследованиями, то эта работа едва ли может быть выполнена исключительно земельными органами, у которых для работы не будет необходимого подготовленного технического персонала, не имеется специально приспособленного технического аппарата. Бывшие технические управления, несмотря на громадный контингент у них разного рода специалистов, для выполнения подробного рода обследовательских работ вынуждены были создать статистические отделы.

Для нашего времени указанную работу в главной ее части с успехом могут выполнить лишь Кирстатуправление и его органы при участии в необходимых случаях земельных органов. Кирстатуправление, в сущности, ведает этими вопросами. В 1925 году предполагено проведение Всесоюзной переписи населения и статистико-экономическое обследование его хозяйственной деятельности, к означенному обследованию должно быть приспособлено и обследование киргизских хозяйств, применительно к постановленным задачам землеустройства киргизского населения.

В этом отношении обследования Щербины 1896-1900 годов и в последующее затем время статистических отделов переселенческих

управлений показали, что единственно правильной постановкой изучения всех изменений в хозяйственной деятельности киргизского населения и в его землепользовании будет строго согласованная во всех отношениях система установления объективных данных, необходимых для землеустройства киргизского населения, по отдельным его хозяйственным типам, по естественно-историческим районам.

Исключение из этого общего правила представится возможным сделать для текущего землеустройства, в котором предварительное обследование всех необходимых моментов хозяйственной деятельности переходящего на оседлость киргизского населения может быть произведено силами и средствами земельных органов, при условии, если землеустройство его ограничивается пределами той территории, которой оно фактически пользуется и земельный отвод не нарушает землепользования всего остального населения, смежного с устраиваемым, в противном случае землеустройство должно быть отложено до сплошного, обязательного. Такая постановка работ даст возможность произвести наделение землей всех устраиваемых хозяйств, без нарушения их интересов. Могут последовать возражения, что такая постановка землеустроительных работ в первой их стадии, задержит их на значительное время. Собираение сведений, обработка полученного материала, районирование территории на предмет последующего вывода норм землепользования все это, вместе взятое, несомненно потребует необходимого времени. Но не надо упускать из виду того обстоятельства, что и работы по землеустройству, как коренного киргизского населения, так и всех других наличных хозяйств (см. пункт 4-й Положения, ст. 9-ю Земельного Кодекса) представляют настолько сложную задачу, что разрешение ее, прежде всего в интересах будущего развития с. х. промышленности и установления правильного трудового землепользования, исключает всякую несогласованность действий в этом отношении. Если же условно допустить последнюю, то вне всякого сомнения в землеустроительной работе могут быть разные подходы к разрешению ее отдельных моментов, отсутствовать система, а это, в свою очередь, повлечет за собой слабые результаты землеустройства.

Надо полагать, что в имеющихся быть разработанными Наркомземом правилах по применению положения о землеустройстве (пункт 3 Постановления В. Ц. И. К.) будет развит порядок учета населения, его хозяйственного положения и других данных, подлежащей выполнению, как непосредственно его органами, так и органами Кирстатуправления.

Вторая стадия землеустроительных работ будет состоять в выводе норм землепользования для различных типов хозяйств, применительно к естественно-историческим условиям. В основу исчисления их положено трудовое начало. „Нормы землепользования, так определяет это начало пункт 15-й Положения, должны обеспечи-

вать каждому типу хозяйства при наличных экономических условиях, возможность наиболее полного использования всей трудовой силы отдельного хозяйствующего двора (семьи) в обычных и нормальных условиях ведения хозяйства“ но это определение не решает еще конкретно самих норм, оно является лишь общей предпосылкой к разрешению норм землепользования и определяет то направление, в котором они должны строиться. Не может быть такого явления в хозяйственной деятельности, чтобы при обычных и нормальных экономических условиях в хозяйстве остались свободные неиспользованные рабочие силы, вследствие отсутствия для них земельных угодий. Обычным и нормальным хозяйством в Киргизии, вследствие незначительной плотности населения, незначительного оборотного капитала, обращающегося в земледелии и скотоводстве, является экстенсивное хозяйство и, несомненно, применительно к нему должны будут прежде всего рассчитываться нормы землепользования, а так же к естественно-историческим условиям, в которых совершается хозяйственная деятельность. Таково первое и основное условие определения норм.

Последующий, затем, п. 16-ый Положения более конкретно подходит к определению самого хозяйства, служащего основанием для расчета по нему землепользования, именно: среднее хозяйство (двор семья) „без применения наемного труда в наличных объективных условиях данного района“, должно служить основанием к их расчету. Средним хозяйством в данном случае надо считать не арифметическое среднее, полученное в результате статистико-экономического обследования всех хозяйств, так как такое хозяйство может являться хозяйством экономически ослабленным, неустойчивым, формы деятельности которого не могут характеризовать его потребности в земельных угодьях, а считать—средним по благосостоянию, по экономической его устойчивости, без найма рабочей силы, существующего исключительно за счет наибольшего использования всей своей трудовой силы. Среднему по благосостоянию хозяйству для каждого типа можно противопоставить с одной стороны беднейшие батрацкие хозяйства, а с другой—богатые, кулацкие хозяйства.

Так, произведенными в разное время обследованиями киргизских хозяйств экспедицией Щербины и статистических отделов быв. переселенческих управлений было установлено, что среднее арифметическое хозяйство, выведенное по данным обследований, вследствие громадного числа экономически ослабленных хозяйств, стоит значительно ниже среднего хозяйства по устойчивости, без найма и отпуска работников. И если бы по этим арифметически выведенным средним хозяйствам рассчитывали бы в свое время нормы землепользования киргизского населения, а не по средним по устойчивости, киргизские скотоводческие хозяйства были бы в тисках малоземелья.

И вот для среднего по устойчивости хозяйства норма землепользования выводится на наибольшее его благосостояние, возможное без применения наемного труда в условиях данного района, которые в свою очередь устанавливаются обследованием населения, при чем „одинаковые нормы земельного обеспечения устанавливаются для всех хозяйств одного типа при одинаковых естественно-исторических и экономических условиях“ (п. 19-ый). Таким образом мерилом для установления той или иной нужды в земельных угодьях в хозяйстве берется не наличие в нем рабочих душ или мужских душ, как это практиковалось в прошлом при наделении земель пришлого крестьянского населения, а само хозяйство с его оборотным капиталом, его благосостоянием, берется рентабельность его и формы последней и наконец потребность его в определенных земельных угодьях. Такая постановка наделения земель устраняет то неравенство в землепользовании, которое складывалось для одинаковой экономической мощности хозяйств, при наделении их земель по количеству мужских душ в каждом из них. Так например, хозяйства одинаковой мощности, но имевшие различное число мужских душ в разной мере удовлетворялись землей. Семья в 5 душ, из коих было 2 рабочих мужских, получала надел на 2 души, или тот же контингент членов семьи, но мужских душ было 3-ое, из них один малолетний — надел отводился на 3 души, наконец семья в составе 4 душ, при 1 мужской душе получала земельный надел на 1 душу. При существовании экстенсивного хозяйства неравномерное обеспечение земель вызывало различные изменения в хозяйственной деятельности.

Преимущество в установлении норм землепользования, по определению их положением, заключается в том, что оно обеспечивает в большей мере сохранение трудового принципа, чем это практиковалось раньше при отводе земельных угодий переселенцам, и распространяется на все типы хозяйств. Пункт 17-ый положения так определяет самую норму: „нормы земельного обеспечения для земледельческих хозяйств (оседлых и полuosедлых) выводятся из потребности в земледельческих угодьях у среднего двора, при средней производительности этих угодий за десятилетие. Для скотоводческих хозяйств (кочевых и полукочевых) потребность в пастбищных угодьях, принятого за норму двора (семьи), определяется по минимальной производительности пастбищ в наихудшие годы, вводя корректив на степень обеспеченности отдельных скотоводческих общин в такие годы запасами готового фуража, получаемого с подсобных земледельческих угодий и с отводимых этим общинам пахотно-сенокосных страховых участков“. Здесь наиболее отчетливо определяется основание, которое положено в исчисление нормы наделения земель, именно — среднее по благосостоянию хозяйство (двор, семья) каждого типа хозяйства. Учитывая, вместе с тем, что нормы

землепользования должны предоставлять возможность наиболее полного использования всей трудовой силы отдельного хозяйствующего двора при обычных и нормальных экономических условиях ведения хозяйства (п. 15-ый), соответствовать наибольшему благосостоянию хозяйства, возможному без применения наемного труда в наличных объективных условиях данного района (п. 16-ый), они, тем самым должны определиться для оседлых и полuosедлых хозяйств и быть выведенными из потребности в земельных угодьях среднего хозяйства за определенный период времени, в данном случае за десятилетие, с поправкой их на среднюю производительность угодий за то же время.

Для кочевых и полукочевых хозяйств норма землепользования должна будет определиться, при таком положении, так-же потребностью их в пастбищных угодьях. Но так-как производительность пастбищных угодий в различные годы может быть неодинакова, то положением, в целях наибольшего обеспечения кормами скотоводческих хозяйств, устанавливается потребность в пастбищных угодьях среднего по благосостоянию хозяйства в наихудшие по урожайности кормов года, с поправкой их на обеспеченность кормами, полученными с подсобных земледельческих угодий и готовым фуражом—с пахотно-сенокосных страховых участков.

Такие нормы не являются теоретическими нормами, а будут связаны с той реальной обстановкой, в которой приходится совершать хозяйственную деятельность, будут соответствовать запросам трудовых хозяйств.

В заключение о порядке установления норм землепользования для различных типов хозяйств следует отметить следующее правило: „Оседающему в силу экономических причин кочевому и полукочевому населению земля отводится по норме, установленной для соседнего коренного земледельческого полuosедлого населения, имея ввиду необходимость для оседающих постепенно освоиться с новой формой хозяйства“. (п. 20).

Это обязательство лишний раз подчеркивает то отношение к интересам киргизского населения, которое Ариадиной нитью проведено через все положение, не только в части данного его землеустройства, но и создания в будущем таких условий, которые-бы облегчили ему переход от одних форм хозяйственной деятельности к другим, обеспечили бы необходимыми угодьями в неустойчивый переходный период и дали бы ему возможность освоиться с новой формой хозяйства. Земельным органам, по выработке норм землепользования для различных типов хозяйств, придется, несомненно, проделать чрезвычайно сложную работу и ответственную по своим результатам.

Не меньшую работу придется совершить прежде всего по типировке хозяйств и установлению среднего по благосостоянию хозяйства без найма работников в каждом типе, ограничить его хозяй-

ственными и экономическими признаками от экономически ослабленных и зажиточных хозяйств. До сего времени в характеристике хозяйств по этим разновидностям не существовало вполне законченной оценки, и хозяйство, признававшееся по наличию в нем определенных признаков, в одном случае зажиточным, в другом—признавалось средним по благосостоянию хозяйством. В периодической литературе не редкость встретить, даже в настоящее время, различную оценку таких хозяйств. Правильное установление среднего хозяйства имеет значение не только в землеустройстве киргизского населения, но и во всей экономической политике в области сельского хозяйства.

Составление проектов землеустройства и их проведение в натуре сводится к установлению землепользования по рассчитанным трудовым нормам в отдельности для каждого типа хозяйств и между отдельными земельными обществами, входящими в состав каждого из них, при чем, как было уже отмечено выше, трудовым земледельческим обществам отводятся прежде всего земли его фактического пользования в одной округленной меже без чересполосных участков, и лишь в том случае, когда не представляется возможным устранить или уменьшить чересполосность владений отдельных земельных обществ, вклинивание и вкрапливание их и других недостатков землепользования, производится замена угодий, (п.п. 21 и 22 Положения, ст. 166 п. „е“ и ст. 169 Земельного Кодекса). В отношении наделения земельными угодьями кочевого и полукочевого населения, в части приимовочных территорий, соблюдается то-же правило, как и для трудового земледельческого населения, именно: „обращается особое внимание на отвод в определенных границах зимних пастбищ с сохранением за фактическими землепользователями наличных водопоев, постоянных построек и других угодий постоянного пользования, сенокосов, пашен и т. п., а так же оросительных сооружений для пашен и сенокосов“ (п. 34 Положения), и лишь в том исключительном случае, когда не представляется возможным „обеспечить наличное кочевое и полукочевое население необходимыми пастбищами и кочевыми путями за счет земель, указанных в ст. 34, допускается использование под пастбища удобных для пахоты земель и сенокосов, особенно в тех случаях, когда пахотные земли и сенокосы вкраплены небольшими клочками среди чисто пастбищных пространств или расположены вблизи водопоев и попутных стоянок на кочевых путях“ (п. 32-й Положения).

Таким образом в основу землеустройства населения кладутся земли его фактического пользования и лишь в зависимости от той или иной возможности за счет их обеспечить хозяйственную деятельность необходимыми угодьями вносятся необходимые изменения. Это обстоятельство, в частности, особо оговаривается Положением (п. 27-ой): „Принудительное переселение целых земельных обществ

или части их населения на другое место допускается в исключительных случаях и только в порядке ст. 222 Земельного Кодекса К.С.С.Р.

Переселение нельзя рассматривать в том только виде, как переселение из одной республики в другую, или из одной губернии, уезда в другие, хотя-бы и в пределах одной республики, поскольку п. 27 Положения говорит о „другом месте“, т. е. суживает это понятие, к переселению должно быть отнесено всякое перемещение хозяйственной деятельности с земель фактического пользования на другие земли, если, конечно, такое перемещение не носит характера приближения землепользователей к их землям в пределах обжитых местностей, т. е. не связано с расселением. Хотя ст. 226 земельного Кодекса определяет понятие расселения для земледельческого населения, но оно в равной мере приложимо и для кочевого и полукочевого населения по смыслу п. 34 утвержденного Положения.

Это обстоятельство не исключает порядка землеустройства туземного населения на свободных землях (запасных и неиспользованных) в первую очередь (ст. 6-ая Земельного Кодекса), если к этому вызовет недостаток земельных угодий в районах фактического землепользования, или по желанию самого землеустраиваемого населения, или в обязательном порядке, если эти земли, в интересах обеспечения хозяйства необходимыми земельными угодиями, будут включены в число земель для устройства на них населения (п. 3-й положения).

При проведении землеустройства несомненно возникнут случаи разрешения малоземелья или путем прирезки окрестных свободных земель, путем доприселения к смежным многоземельным обществам или же путем переселения на вновь образованные специально для этой надобности участки (п.п. 25, 26, 34, 37 и 38 положения), но начальной, отправной точкой зрения землеустройства населения все же остаются земли фактического пользования того или иного населения.

В части разверстания сезонных пастбищ общего пользования такое происходит в обязательном порядке между оседлым земледельческим населением, с одной стороны, и кочевниками и полукочевниками с другой (п. 24 положения), но их разверстание по отдельным общинам полусоседного населения происходит только в том случае, когда это хозяйственно целесообразно, в противном случае сезонные пастбища, как для них, так и для кочевого и полукочевого населения отводятся, как земли общего пользования, от земель обособленного пользования, при чем, согласно ст. 44 Земельного Кодекса, совокупность хозяйств, пользующихся на равных основаниях этими общими землями, хотя и входящих в состав разных земельных обществ, будут составлять особое земельное общество (п.п. 23 и 36 положения и ст. 44 Зем. Код.). Следовательно разверстание земель общего пользования между отдельными земельными обществами будет являться обязательным для полусоседного населения—когда это

явится целесообразным и для кочевого и полукочевого населения—этого разверстания между обществами не происходит и они отграничиваются лишь от земель обособленного пользования.

При землеустройстве кочевого и полукочевого населения положением обеспечиваются ему скотопрогонные дороги, площади для попутных кочевых стоянок, водопой (п.п. 29 прит., 33, 35 и 39 положения).

В целях обеспечения в будущем переходящего на оседлость киргизского населения необходимыми земельными угодиями для ведения земледельческого хозяйства, земли, пригодные для этой цели, в районах запроектированных для кочевого и полукочевого населения, выделяются из пользования этого населения в виде запасных или страховых участков (п.п. 2-ой лит. „I“, 30 и 31 с примечанием положения).

Образованные запасные участки, в случае, если они не будут заселены в течении 25 лет после землеустройства переходящим на оседлость киргизским населением, переходят в состав государственных земельных имуществ впредь до возникновения в них надобности по прямому и специальному назначению (п. 28 полож.). Пользование страховыми пахотно-сенокосными участками кочевыми хозяйствами происходит в порядке ст.ст. 112—113 Зем. Кодекса, т. е. при посредстве общественной обработки земель, совместного приложения труда, общего использования средств и орудий производства; страховые участки проектируются в местах наиболее близких к пастбищам общего пользования и должны обеспечивать готовым фуражем на круглый год 10% нормального состава стад, пользующихся ими общин (п. 29 положения).

Установленное таким способом землепользование закрепляется затем межевыми знаками, с наложением границ в натуре по правилам землеустройства.

Для наибольшего обеспечения интересов землеустраиваемого населения, для разрешения возникающих споров и недоразумений, киргизское население через своих представителей участвует при всех землеустроительных работах, созываются специальные земельные съезды для решения возникающих вопросов.

Чрезвычайно большое значение для переходящего на оседлость трудового кочевого и полукочевого киргизского населения будут представлять льготы и пособия устанавливаемые положением, именно: 1) выдача живого и мертвого инвентаря в кредит с рассрочкой платежа на 10 лет, 2) выдача семенного материала натурой с возвратом через 5 лет, 3) бесплатная выдача лесных материалов на постройку домов и хозяйственных зданий, 4) освобождение до 5 лет от государственных и местных налогов, 5) агрономическая помощь.

Разоренное, обнищавшее киргизское население крайне нуждается в такой помощи, и без нее трудно будет ему организовать хо-

зяйственную деятельность, не имея под руками каких либо средств на приобретение необходимого инвентаря, на домообзаводство. Эта помощь в тоже время послужит стимулом для большинства населения к переходу на оседлость и можно быть уверенным, что землеустройство зафиксирует значительный процент перешедшего на оседлость населения. Нужна будет широкая информация киргизского населения о значении для него утвержденного В.Ц.И.К. „Положения о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения“, дабы в отношении его не создалось превратных представлений, нужно широкое распространение самого положения, чтобы всякий знал, в чем заключается задача землеустройства, и население само могло бы подготовиться к нему, и не быть застигнутым врасплох, чтобы могло само продумать все вопросы, связанные с землеустройством.

В заключение можно пожелать, чтобы оно скорее было осуществлено, и трудовое население получило устойчивую почву для развития хозяйственной деятельности.

Л. Кенарский.

★ Киргизская Социалистическая Советская Республика. ★

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33C5(C55)(05)
+ 33C5(C17)(05)

СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОВЕТСКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

ОРГАН

НЦИК и

Н. С. Н. К.

№ 7 (10)

№ 7 (10)

И Ю Л Ь.

Год издания—второй.

ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Инд. № 81635

Оренбург. ♦♦♦♦♦ 1924.

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТРУДОВОГО И НЕТРУДОВОГО ХОЗЯЙСТВА.

Л. Кенарский.

Экономическая политика Советской власти в сельском хозяйстве выявила три различных категории хозяйств: 1. беднейших и экономически слабых, 2. средних по благосостоянию и 3. кулацких — с постоянным наемным трудом и эксплуатацией чужой рабочей силы. Первые две группы хозяйств, поскольку их деятельность построена на трудовом начале, пользуются признанием и поддержкой власти, в них усматривается тот элемент, опираясь на который, последовательно будет произведен полный переворот в сельско-хозяйственном производстве. Последняя категория хозяйств, как несоответствующая по своему складу основным началам советской экономической политики, не пользуется никакой поддержкой.

Буржуазно-капиталистический строй с своей стороны в последней категории хозяйств видел тот элемент, опираясь на который, он мог держать в хозяйственной зависимости от себя и в кабале большинство крестьянского населения. Так при столыпинской земельной политике была откровенно признана ставка на крепкое кулацкое хозяйство. Ныне роли переменились, но кулацкое хозяйство всеми возможностями продолжает отстаивать свое существование и влиять прямо или косвенно на весь хозяйственный быт всего остального трудового населения. Оно создает в настоящее время свое благополучие отчасти на пережитках старого земельного строя, отчасти на том, что перестройка экономического уклада в сельском хозяйстве еще не достигла необходимой глубины, на которой паразитический элемент должен отмереть своей естественной смертью.

Вполне естественно, поэтому, что при проведении различного рода мероприятий по линии сельского хозяйства, или при выдаче ссуд на укрепление и развитие сел.-хоз. деятельности оказание льгот малоимущему, беднейшему населению и др., соответствующими органами создаются условия, что-бы ими не воспользовались прежде всего кулацкие хозяйства, изощренные, надо сказать, в своей изворотливости.

Но отсюда логически вытекает вопрос — кого же следует считать кулаком в точном смысле этого слова? Какими отличительными признаками и особенностями, ему лишь присущими, можно будет оха-

рактизовать кулацкое хозяйство? Вместе с тем необходимо знать, что представляет из себя среднее по благосостоянию хозяйство, какими, в свою очередь, особенностями оно обладает и чем отличается от кулацкого? То же можно сказать и про экономически ослабленные хозяйства. Все эти моменты хозяйственной деятельности требуют своей ясности и более или менее точного определения. Без этого можно рисковать отсечь вместе с нездоровым наростом и здоровую часть организма.

В Московской периодической прессе неоднократно возникало в дискуссионном порядке обсуждение этих вопросов, и не так давно, перед 13-м съездом РКП(б) в газетах „Правда“, „Экономическая жизнь“ и „Беднота“ становился ребром вопрос: „кого же следует считать кулаком, кого средняком?“ Сама по себе постановка этого вопроса в наше время говорит за то, что определения по крайней мере двух последних категорий хозяйств не достаточно ясно были до сего времени выявлены, и что практика проведения целого ряда мероприятий по сельскому хозяйству несомненно установила противоречивые определения хозяйств, наблюдается на местах недостаточно ясное представление об указанных трех категориях хозяйств.

Под средним хозяйством ими иногда предполагается не более, как среднее арифметическое хозяйство, выведенное из совокупности всех хозяйств определенного района. При такой постановке вопроса о среднем хозяйстве, последнее может обладать целым рядом таких признаков, которыми наделены беднейшие и экономически слабые хозяйства, если последние являются преобладающими в целом ряде районов, в которых требуется установить среднее хозяйство. Точно так же под кулацким хозяйством часто предполагается хозяйство средняка со значительным основным и оборотным капиталом, с большими избытками продукции сельского хозяйства.

Ясно, что при таком неправильном понимании и определении отдельных категорий хозяйств возможны ошибки в проведении тех или иных мероприятий, и ограничения могут подвергнуться такие хозяйства, которые, в сущности, надо укреплять и развивать.

Кроме отмеченных общих условий, в силу которых необходимо определить более или менее точно хозяйства по их основным категориям, определение их имеет еще то особенное значение для Киргизской Республики, что применительно к среднему, по благосостоянию, хозяйству будет вестись землеустройство всего киргизского населения. Судьба многих миллионов людей будет, таким образом, зависеть от более или менее точного установления среднего хозяйства. Неудачное, неправильное размежевание хозяйств по указанным трем категориям может дать слабые результаты землеустройства и не обеспечить хозяйства необходимыми земельными угодьями.

Насколько более или менее уточненное представление о хозяйствах беднейших и экономически ослабленных, средних по благо-

состоянию и кулацких—составляет чрезвычайно большое значение в современной экономической политике, можно было бы иллюстрировать целым рядом конкретных примеров, но едва ли кто решится отрицать это значение в деле, прежде всего, правильной организации сельского хозяйства.

К сожалению, заинтересованные органы мало уделяли этому вопросу внимания, и у многих хозяйственных органов наблюдается в определении и характеристике хозяйств и недоговоренность и некоторая неясность. Из тех-же определений, которые имеются в литературе, нет определенного единства в самых подходах к нему.

Так, например, А. Хрящева в статье „Процесс расслоения крестьянства“ („Экономическая жизнь“ от 20 мая 1924 г. № 187 (1638)) дает следующее определение главных классовых типов в сельском хозяйстве в 1920 году:

К Л А С С Ы	Средняя семья.	Своих работников на 1 хозяйство.	‰ хоз. нанимающих сроковых рабочих.	‰ хоз. с промыслами.	На 1 хозяйство.		Десятин посева на 1 душ.
					Рабочих лошадей.	Коров.	
Мелкие . . .	4,6	1,1	1,1	20,0	0,7	1,0	0,25
Средние . . .	7,0	1,5	1,4	9,6	1,5	1,5	0,70
Зажиточные . .	8,4	1,8	5,0	7,9	3,2	2,4	1,47
Богатые . . .	9,0	2,2	10,6	7,7	4,5	3,1	3,00

Приведенная характеристика ни в малейшей степени не может служить основанием к определению классовых типов крестьянского хозяйства, и еслиб данную характеристику взять критерием при оценке хозяйств, то можно с уверенностью сказать, что мы с таковой далеко не ушли-бы.

Вертикальные цифры хотя и носят выдержанный характер, т. е. с увеличением семьи растет число работников в семье, увеличивается число скота и десятин посева и т. д., но в горизонтальном отношении приведенные цифры носят невыдержанный характер и не соответствуют классовому определению. Прежде всего чрезвычайно условное значение придано определению классовости хозяйств, без выяснения бюджетов их, условий определяющих рентабельность хозяйственной деятельности, как то: наличия рынков и сбыта продуктов сельского хозяйства, промышленных предприятий, степени развития хозяйственной деятельности и других, и кроме того неясен самый подход к установлению признаков, в частности, зажиточных и богатых хозяйств. В самом деле семья из группы богатых в среднем имеет всего 2,2 своих работников из общего числа членов в 9 душ,

т. е. рабочий состав семьи составляет только 24,4%, он является ничтожным по сравнению с объемом хозяйственной деятельности в 27 десятин посева на 1 хозяйство и 7,6 голов крупного скота. В отношении числа десятин посева на одно богатое хозяйство, в среднем, имеется незначительное число рабочего скота, именно, на 1 голову рабочего скота приходится 6 десятин. При существовании в массе экстенсивного хозяйства эта невязка между количеством рабочего скота и посевом говорит не в пользу „богатого“ хозяйства.

В приведенной таблице не говорится совсем о числе хозяйств с годовыми наемными работниками и количестве таких работников, так что с этой стороны не представляется возможным дать ту или иную характеристику хозяйствам. В таблице упоминается лишь о числе хозяйств со сроковыми рабочими, при чем в группе богатых хозяйств, таковых насчитывается 10,6%, на этом основании можно предположить, что 89,4% хозяйств обходятся без сроковых наемных работников и ведут хозяйство своими силами по преимуществу, т. е. являются трудовыми хозяйствами в полном смысле. Такое заключение во всяком случае можно сделать, останется лишь неясным, как в этом случае управляется такое хозяйство при наличии в нем всего 2,2 своих работников. То же, в сущности, можно будет сказать и про другие приведенные классовые группировки хозяйств.

Несомненным становится одно, что без бюджетного обследования хозяйств группировка их по классовости на мелкие, средние, зажиточные и богатые, — неубедительна и рискованна и кроме того может быть просто ошибочна в той или иной оценке хозяйств в трудовом отношении.

Чем же по данным А. Хрящевой определяется кулачество? „Дело в том, пишет она, что центр тяжести кулачества лежит не в количестве богатых хозяйств, а в их качестве“. „Область изучения классового строения крестьянства только с точки зрения его земледельческого производства здесь недостаточна; необходимо определить торговые операции, операции промышленных предприятий, соединенные с селско-хоз. предприятием данной группы, что-бы подойти к учету размера эксплуатации беднейшего и среднего крестьянства.

Следовательно, предложенная характеристика хозяйств и расчленение их на четыре группы по хозяйственному и экономическому обеспечению, по свидетельству А. Хрящевой, не выражает качества хозяйств. Но и предложенная ею формула для выявления кулацкого элемента в группе богатых хозяйств не дает исчерпывающего подхода к разрешению вопроса.

По этой формуле, если так можно выразиться, кулачество не укладывается в форме земледельческого производства, оно выходит за него, оно связано с торговыми и промышленными операциями, которые все вместе взятые определяют размеры эксплуатации им беднейшего и среднего крестьянина. Современное массовое крестьян-

ское хозяйство носит также формы товарного хозяйства, оно производит продукты и для рынка и для перерабатывающей промышленности, приобретая взамен их другие продукты, материалы и предметы потребления для своего хозяйства. Этим самым осложняется в значительной степени определение операций кулаческого элемента, т. к. всякое крестьянское хозяйство в той или иной степени выходит за пределы земледельческого производства и для того, чтобы установить в некоторых из них элементы кулачества, нетрудового дохода, эксплуатации и размеры ее, требуется выяснение к какой из 4 групп принадлежит кулаческое хозяйство, в чем выражаются его торговые и промышленные операции, размеры самой эксплуатации.

Кулаческий элемент возможен в каждой, по меньшей мере, группе из трех последних. Принимая уже во внимание, что всякое подобное выяснение представляет некоторую сложность в получении более или менее верных сведений, т. к. посевная градация хозяйств решает мощность хозяйства, но не его трудовой характер, то, дабы добраться до действительного положения вещей, нужно будет преодолеть целый ряд серьезных препятствий.

С другой стороны под указанную мерку не уложится мелкое деревенское кулачество, которое не менее хищно, чем крупное, так например занимающиеся дачей под грабительские проценты семян, живого и мертвого инвентаря, денежных ссуд крестьянским хозяйствам, попавшим под стесненное положение, не уложатся хозяйства с постоянным наймом рабочей силы. Проектируемый таким образом А. Хрящевой подход к выявлению кулаческого элемента в крестьянском хозяйстве, едва ли может быть признан исчерпывающим, по меньшей мере он должен быть дополнен целым рядом других моментов, определяющих нетрудовой характер кулацкого хозяйства.

В этом отношении дает совершенно иной подход статья А. Смирнова „К вопросу о дифференциации крестьянства“ („Правда“ от 25 апреля м. 1924 г. № 95): „Первым и единственным признаком кулака, утверждает Смирнов, является наличие эксплуатации, т. е. использование чужого труда в целях личного обогащения“.

В этом определении трудовой признак ставится во главу каждого хозяйства и несомненно лишь он может дать точную характеристику хозяйства в основном его моменте. Разматывая с этой стороны всякое хозяйство, с наличием в нем постоянной наемной рабочей силы для исполнения различных его функций, оно будет характеризоваться, как выходящее за пределы трудового начала, на котором, собственно, должна строиться хозяйственная деятельность, согласно основным началам экономической политики в сельском хозяйстве.

Исходя из этого признака в дальнейшем его развитии, мы неизбежно должны будем согласиться со следующим утверждением: „Самым решительным образом должны вести борьбу со сторонниками точки зрения, рассматривающей зажиточного, крепкого крестьянина

огульно, как кулака... Такой подход является пережитком старой, дореволюционной психологии". (А. Смирнов). Всякая ставка на исключительную поддержку только экономически ослабленного и беднейшего хозяйства и игнорирование экономически устойчивого трудового хозяйства будет являться шагом назад в деле восстановления и укрепления сельского хозяйства и организации его, как общественного производства.

Трудовой принцип определяет размеры самого хозяйства, он стоит в противоречии с хозяйством капиталистической формации, и развитие трудового хозяйства мыслимо через объединение целого ряда однородных хозяйств на почве производства продуктов сельского хозяйства, сбыта их, организации закупок живого и мертвого инвентаря, на почве организации учреждений по переработке продуктов, оказания кредита отдельным хозяйствам, находящимся в стесненных экономических условиях и т. д. Следовательно, ко всем трудовым хозяйствам, будут-ли они являться экономически ослабленными или экономически устойчивыми, может быть только одно отношение—положительное, в смысле оказания им содействия, как в повседневной хозяйственной деятельности, так и в организационных подходах к созданию коллективистических начал в сельском хозяйстве, другого отношения быть не может.

Трудовой принцип нивелирует хозяйства в сторону выявления у него наибольшей самостоятельности своими силами и средствами без применения чужого труда, без эксплуатации чужой рабочей силы. Могут возражать, что в чистом виде трудовой принцип не всегда встречается в хозяйствах. Есть хозяйства беднейшие, в которых наблюдается применение наемного труда при уборке урожая или при других сезонных работах, т. е. существует в той или иной мере эксплуатация чужого труда. Хозяйства вынуждены были прибегнуть к нему, стремясь покончить срочно с сезонными работами, исходя из правильной постановки вопроса, что „день кормит год“, и неиспользованный в необходимое время рабочий день может погубить весь тяжелый и упорный труд крестьянина за целое лето.

Может-ли в самом деле, такой случай рассматриваться, как кулачество, как стремление использовать нужду своего соседа крестьянина в узколичных своих интересах?

Конечно нет.

В прежнее время, до развития в деревне капиталистических навыков, крестьянское хозяйство находило выход из этого положения несколько иначе, не прибегая к помощи наемного труда, именно путем организации „помог“—общественной уборки урожая хлебов, сенокосов. До 1905 г. не редки были случаи, когда все рабочее население того или иного поселка во время наступления жатвы, сенокоса производило уборку последовательно у каждого домохозяина.

Этой общественной помощью пользовался даже самый беднейший крестьянин. Столыпинская земельная политика этим общественным навыкам нанесла в свое время тяжелый удар; проникновение капиталистических навыков в сельское хозяйство разслоило крестьянскую массу. Бедняк крестьянин желал бы, может быть, воспользоваться общественной помощью, но в этом он не находил уже отклика со стороны более или менее зажиточной массы, и он при стечении неблагоприятных обстоятельств, как-то: невозможности убрать своими силами произведенный посев, выделенный ему сенокос, из-за болезни и др., вынужден был прибегать к найму рабочей силы или за счет своих небольших средств, или на ипольных началах. Кто кого при последнем случае эксплуатировал, вопрос спорный, т. е. ипольное начало предполагает эксплуатацию со стороны нанятого.

Во всяком случае наем посторонней рабочей силы экономически ослабленным хозяйством вызывается каждый раз крайней необходимостью и ограничивается прежде всего сроком, временем выполнения какой либо одной хозяйственной операции. Следовательно различие в найме со стороны экономически ослабленного хозяйства и кулацкого хозяйства находится в условиях хозяйственной деятельности каждого из них. Для беднейшего хозяйства наем посторонней рабочей силы невыгоден, он обременяет и без того небольшой его бюджет, ложится тяжестью на хозяйство и удорожает производство продуктов при ограниченных хозяйственных оборотах, поэтому наем носит всегда краткосрочный характер.

Нетрудовое хозяйство, с наличием в нем постоянной наемной рабочей силы, при обширности хозяйственных оборотов, основного и оборотного капиталов, со стремлением использовать в свою пользу экономическое положение окружающего смежного с ним населения — из найма получает определенную выгоду для хозяйства. В этом заключается одно из главных различий найма рабочей силы отдельными хозяйствами.

Но могут быть другие случаи, одним из которых является следующий: хозяйство по тем или иным причинам вынуждено было выделить часть своей рабочей силы на заработки и оно, тем самым, лишилось этой силы в повседневной работе хозяйства, и для того, чтобы хозяйству не был этим обстоятельством нанесен ощутительный ущерб, принимался для этой повседневной работы рабочий или полурабочий. В этом случае наем сопряжен был со стремлением предотвратить хозяйственную деятельность от разрушения, также в пределах известного времени, и пришлый член рассматривался в течении его как равный остальным членам хозяйства. Что такие случаи имеют место, показывают их неоднократно производимые статистико-экономические и бюджетные обследования хозяйств. Изжить эти случаи пользования наемной рабочей силой трудовыми хозяйствами возможно будет с широким кооперированием и коллективи-

зацией крестьянских трудовых хозяйств, до тех же пор они несомненно будут проявляться в отдельных хозяйствах.

Какую же грань необходимо провести между указанными случаями применения наемной рабочей силы трудовым и нетрудовым хозяйством, какое основное различие должно быть положено между ними для установления характера хозяйственной деятельности?

Эта грань и различия были уже частично отмечены.

Основной и главный момент их будет определяться теми хозяйственными причинами, которые вынудили применение наемного труда и выражены в самой системе применения и использования этого труда, т. е. будет ли наемный труд обнимать собой временное исполнение какой либо одной хозяйственной операции, и рабочий на время выполнения ее будет неотделим от нанявшего его хозяйства, или же он будет являться постоянным и необходимым в деятельности того или иного хозяйства и оно без него не может обойтись, без него будет нарушено отправление хозяйственных функций, т. е. когда хозяйственная деятельность построена на наемном труде, и между хозяйством и нанятым рабочим существует то разделение, которое наблюдается в капиталистических предприятиях, хотя бы оно и не так было резко выражено, как в последних. Таково первое различие между трудовыми и нетрудовыми хозяйствами с наличием в них наемной рабочей силы.

Второе различие будет заключаться в направлении хозяйственной деятельности, т. е. ограничена ли она системой производства различных сельско-хозяйственных продуктов, переработкой их силами и средствами самого хозяйства, как для своих нужд, так и для рынка, и приобретения через него других продуктов, товаров и материалов; использует ли она кооперативные и коллективистические объединения в сельском хозяйстве для организованного сбыта продукции сельского хозяйства, переработки продуктов, для приобретения необходимого в хозяйстве живого и мертвого инвентаря и проч., или же хозяйственная деятельность враждебна деятельности кооперативных и коллективистических объединений в сельском хозяйстве и построена на использовании в своих интересах стесненного положения остального крестьянского населения, на эксплуатации его, в чем бы она не выражалась.

Третьим различием между указанными двумя видами хозяйств может быть та или иная наличность основного и оборотного капиталов, заложенных в хозяйственную деятельность, превышающая возможные их размеры для наиболее развитого трудового хозяйства, не участвующих в кооперативной и коллективистической деятельности и направленных поэтому к организации крупного производства, применительно к типу капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Эти-бегло отмеченные три момента различия между тру-

довым и нетрудовым хозяйствами конечно не исчерпывают всего расхождения их друг от друга, но на них можно будет остановиться, как на главных различиях.

Насколько из правильно поставленного определения трудовых хозяйств все-же могут быть сделаны некоторые неправильные выводы, об этом можно судить по отмеченной выше статье А. Смирнова „К вопросу о дифференциации крестьянства“. „Нельзя считать кулаком того мельника, утверждает Смирнов, который правильно учитывает все расходы по содержанию мельницы и, исходя только из этого, назначает плату. Так собственно дело обстоит и с мелким торговцем, поскольку он еще необходим, вследствие недостаточного развития государственной и кооперативной торговли“. Но отнести их, вследствие этого, к категории трудовых хозяйств едва-ли кто решится, да и сам А. Смирнов вслед за своим утверждением оговаривается: „что как частный мельник, так и частный торговец явление не нужное и совершенно лишнее в нашей жизни, в том смысле, что чем скорей мы сумеем обходиться без них, тем лучше“. Остается после этой оговорки недоуменное отношение к мельнику и торговцу — к какой-же категории хозяйств их надо отнести.

Может быть государству и кооперации при настоящих условиях трудно справиться с рынком, со снабжением населения необходимыми товарами, продуктами, материалами, и для переходного времени условно можно допустить и частного мельника и частного торговца, но от этого их природа едва-ли изменится. Таким образом принцип остался не выдержанным, в определение вкралось противоречие. Не все-ли, в сущности, равно, кто эксплуатирует: мелкий или крупный собственник, хотя-бы и ограниченный в этом государством. В деревне в особенности мелкое кулачество находит себе хороший приют у торгашей мельников и у других подобных им предпринимателей. Поэтому отводить им место вне кулаческого элемента по меньшей мере не будет вязаться с основными задачами экономической политики в сельском хозяйстве.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. Ближайшая экономическая политика в сельском хозяйстве должна заключаться в том, что-бы экономически ослабленные хозяйства довести, поднять до уровня устойчивых, крепких, передовых трудовых хозяйств и развить в среде трудовых хозяйств широкую кооперативную деятельность. Без этого предварительного шага будет трудно восстановить сельское хозяйство и заложить в него фундамент к перестройке всего экономического уклада сельского хозяйства. Вредно и недопустимо рассматривать всякое зажиточное хозяйство, как нетрудовое, кулацкое или исходить при оценке хозяйственной деятельности и при отнесении ее к той или иной категории хозяйств, из наличия в хозяйстве живого и мертвого инвентаря, как иногда это практикуется местами—должно быть поставлено целью, что-бы всякое трудовое

хозяйство обладало большим количеством всякого скота, обладало в необходимом размере всеми усовершенствованными техническими орудиями производства, что-бы каждое хозяйство экономически процветало. Система обложения сельского хозяйства должна быть, выражаясь образно, взвешена, измерена и поставлена в связь с действительной производительностью и доходностью трудового хозяйства.

Представляется-ли вообще возможным выразить различные категории хозяйств, со стороны их главных признаков, цифровыми величинами в такой мере, что-бы на основании их в практической деятельности более или менее безошибочно судить—является то или иное хозяйство трудовым или нетрудовым, видеть положение трудовых хозяйств в общей массе хозяйств и вообще ориентироваться в состоянии их хозяйственной деятельности?

Разрешение в этой части указанного вопроса представляет значительную сложность. Каждое хозяйство находится в зависимости от целого ряда условий, от степени развития хозяйственной деятельности, от способов и средств, при посредстве которых происходит производство необходимых материальных благ, от наличия рынков, путей сообщения, смежной с хозяйством развитой промышленной деятельности, от капитала, заложенного в хозяйственную деятельность, от числа и состава семьи хозяйства, наличия в нем рабочих рук и других. Хозяйства могут быть интенсивными, экстенсивными и каждое из них будет характеризоваться своими особенностями. Хозяйственная деятельность может носить различный характер: земледельческий, земледельческо-промысловый, промысловый-земледельческий, земледельческо-скотоводческий, просто скотоводческий и т. д. в зависимости от того, за счет какой деятельности преимущественно удовлетворяются потребности хозяйства и сводится его бюджет. В каждом типе хозяйства, в свою очередь, существуют свои особенности, своя градация. Несомненным становится одно, что хозяйственную деятельность с ее градацией и развитием нельзя уместить в какие либо одни постоянные, одинаковые рамки, в которые каждое хозяйство, взятое уже в отдельности, могло бы укладываться, и эти рамки определяли-бы его при всех условиях, что оно из себя представляет, чем характеризуется, каковы его возможности в настоящем и будущем времени.

Достаточно, например, бросить беглый, поверхностный взгляд на киргизские скотоводческие хозяйства, что-бы убедиться, что они изменяются по составу стада, по количеству в нем скота, условий кочевания, по развитию промысловой и другой хозяйственной деятельности, в зависимости от естественно-исторических условий, в которых протекает хозяйственная деятельность. Каждый естественно-исторический район определяет, в частности, свое среднее по устойчивости и экономическому благосостоянию скотоводческое хозяйство, несходное с другими. Наблюдаются районы, в которых при

установлении такого среднего хозяйства требуется вводить поправки на обеспеченность не только со стороны скота, но и земледелия.

Так статистико-экономическим обследованием 1896—1900 годов было установлено среднее устойчивое хозяйство для Устькаменогорского уезда в 17 голов крупного скота, для Зайсанского—в 15 голов, для Кустанайского—в 25 голов, для Актюбинского уезда, вследствие развития у киргизского населения земледелия—в 19, с поправкой на посевное хозяйство.

По естественно историческим районам внутри каждого уезда эти нормы имеют опять свои колебания в меньшую или большую сторону от средних поуездных норм. То же можно сказать и про оседлые земледельческие хозяйства. Нельзя провести знака равенства между земледельческими хозяйствами, расположенными, примерно, в Тургайском уезде и хозяйствами Оренбургского или северной части Кустанайского уездов. Каждое из них имеет свои особенности разновидности, применительно к тем условиям, в которых происходит хозяйственная деятельность и к которым каждое из них приспособляется.

Таким образом, да-бы подойти к определению хозяйств по их категориям, как трудовых и нетрудовых, по их экономической мощности, нельзя их выразить какими либо определенными цифровыми величинами вне связи с теми условиями и особенностями, в которых они находятся. Нельзя, примерно, сказать, что для всякого района Кирреспублики нормальным трудовым хозяйством будет—обладающее 40 десятинами земли, 8 головами крупного скота, наличностью, также в определенном числе, сельско-хозяйствен. инвентаря и т. д. Такой подход к разрешению нормального трудового хозяйства будет грешить большой теоретичностью, случайностью и произвольностью, и он ни в малейшей степени не разрешит, как данного хозяйства, так в равной мере нетрудового хозяйства. Нужен другой подход, который мог-бы учесть все условия каждого отдельного естественно-исторического района, как в положительной части их, так и отрицательной, влияющих на хозяйственную деятельность; направление хозяйственной деятельности; степень ее развития; ту или иную рентабельность этой деятельности; силы и средства, при посредстве которых она осуществляется, и выразить их в цифровых соотношениях.

На основании уже этих соотношений для данного времени и места возможно будет установить чисто ориентировочные определения хозяйств, в частности среднего по благосостоянию и устойчивости.

Нельзя всю Республику мерить выведенным одним теоритическим хозяйством, но в то же время нельзя и утверждать, что выведенные те или иные ориентировочные хозяйства будут являться неизменными, постоянными типами хозяйства и для будущего. Нельзя

ограничивать хозяйственную деятельность какими-то строго определенными, законченными формами и размерами и по ним решать все сельское хозяйство с его будущим.

Ориентировочные хозяйства должны ограничиваться временем и местом, и изменяются с развитием производительных сил, с переменой условий деятельности, с организацией сельско хозяйственных объединений и т. д. Таким образом оно будет являться всегда только временным мерилем того или иного состояния сельского хозяйства и тех достижений, которые удалось осуществить за известное время и в определенных условиях.

По Кирреспублике нет группировок по трудовым признакам, как результатов ранее производившихся обследований, за исключением скотоводческих хозяйств, в основу расчета обеспеченности которых был положен крупный скот, поэтому для доказательности отмеченной мысли в отношении земледельческих хозяйств, представится возможным воспользоваться некоторыми выводами обследования Щербинь в 1896 году крестьянских хозяйств Воронежской губернии. В сущности безразлично по отношению какого района будут взяты те или иные цифры, важен сам по себе метод подхода к разрешению вопроса о хозяйствах.

Наименование категорий хозяйств.	Число душ в хозяйств.	В том числе.		Наемн. работ.	Выдел. батрак	Имеется скота в хозяйств.			Земли делятин.	Инвентаря.	Общая стоимость всего имущества.	Прих. в руб. за год.	Расх. в руб. за год.								
		Работников.	Полуработн.			Нерабочих.	Годовых.	Полугодовых.						Годовых.	Полугодовых.	Крупного.	Мелкого.	Молодняка.	Всего.		
1) Хоз. выделяющие батраков	6,47	3,37	0,89	2,21	—	—	0,87	0,34	2,10	2,32	0,55	5,27	Своей.	10	1,5	1,1	0,72	0,90	2,36	228	296
2) Хоз. без и отпуска работников	6,68	3,22	0,82	2,64	—	—	—	—	3,70	5,80	0,92	10,42	Земл. на душ.	1,6	2,4	1,13	1,49	542	346	345	
3) Хоз. с наемным трудом.	8,52	4,0	1,02	3,50	0,71	0,57	—	—	9,80	14,85	2,00	26,65	Арендуют.	2,2	15,0	2,04	3,40	1672	1359	744	
													Сох. плуги, борош., веяч. и др.								
													Транспорт.								

Примечание: в графе „приход рублей в год“ в бюджетах не показан остаток материалов, продуктов и денег, перенесенных от истекшего до исследования года.

Хозяйств, прошедших через это обследование, было определено—176.821, с числом населения обоего пола и разных возрастов—1.195.457 душ. Из этого числа беднейших хозяйств составляло—11,8% и населения—11,2%, средних хозяйств 82,6 и населения—81,6%, хоз. с на-

мным трудом—5,6% и населения—7,2%. Таким образом в массе подавляющее число хозяйств являлось трудовыми.

В приведенных сведениях отсутствуют многие данные, могущие объяснить крайнюю неравномерность доходности различных хозяйств, но таблицей и не преследовалось намерение вскрыть полное содержание хозяйств каждой категории. Важно было отметить, что по классификации хозяйств по трудовым признакам, представляется возможным в известной мере выявить трудовые и нетрудовые хозяйства, отметить крайние полюсы хозяйственной деятельности и среднее трудовое хозяйство, без найма и отпуска работников, в тех условиях, которыми обладала обследованная губерния. Эти цифры в известной мере уясняют общее экономическое положение хозяйств каждой категории, определяют различное их благополучие для своего времени, и, при условии детального развития цифр, они могут служить ориентировочным материалом. Если, в свою очередь, каждую отмеченную категорию хозяйств разбить на посевные, промышленные группы, то мы имели бы еще более уточненную характеристику хозяйств внутри каждой категории, выявили бы в каждой крайние полюсы хозяйственной деятельности с ее результатами и переходные хозяйства от одной категории к другой. Достаточно было бы иметь один раз в десять лет такие сведения и перед нами была бы отчетливая картина: состояния хозяйственной деятельности и ее развития, последовательного прекращения нетрудовых хозяйств. В земельном деле эти сведения может дать специальная сельскохозяйственная статистика.

Несомненно, для того, что-бы разрешать вопросы сельского хозяйства, необходимо знать реальное положение вещей и из него исходить, в частности, с мероприятиями по усилению деятельности трудовых хозяйств и ослаблению—нетрудовых, по ликвидации пережитков старого быта.

Таким образом определение различных категорий хозяйств по их трудовым признакам возможно и необходимо только, как ориентировочных, в отдельности для каждого естественно-исторического района, при чем, в части определения при посредстве их вообще всякого хозяйства, взятого в отдельности в натуре, как трудового и нетрудового, таковое может носить лишь относительное значение в смысле возможности того или другого из них при совпадении этих признаков с цифровыми соотношениями и хозяйственными элементами соответствующей своей группы.

От редакц. и: печатается в порядке обсуждения.

